

П.В. Штейн

**Русские народные песни,
собранные П.В. Штейном**

Песни былевые

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.В. Штейн**
Русские народные песни, собранные П.В. Штейном: Песни былевые / П.В. Штейн – М.: Книга по Требованию, 2015. – 134 с.

ISBN 978-5-458-23197-8

Издание Императорского общества истории и древностей Российских.
Сборник этнографических записей текстов былевых песен. С указанием места записи и имени сообщившего.

ISBN 978-5-458-23197-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ рѣчи хорошія:
Въ селѣ было во Муромѣ,
Во деревнѣ было Корочаровѣ,
Жилъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Сынъ Ивановичъ, богатырскій сынъ.
Онъ просилъ у своего батюшки
Великаго благословеньица:
«По дикой степи мнѣ погуляти,
«Добра коня понаѣздити.»
Онъ и ѣхалъ путемъ, дороженькой,
Онъ подѣхалъ къ тремъ дороженькамъ,
И началъ себѣ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
«По которой мнѣ будетъ ѣхать дорожинькѣ:
«Ежели по праву ѣхать—богатому быть,
«А по лѣву ѣхать—женатому быть,
«А по средней ѣхать—убитому быть.
«Мнѣ женитьба не ко младости,
«А богатство мнѣ не къ радости;
«Дай поѣду я, гдѣ мнѣ убитому быть;
«Убить-то меня не за что.»
Подѣзжалъ-же ко Оку рѣкѣ,
Черезъ Оку рѣку конь перескакивалъ,
Рѣзвыхъ ногъ не обмакивалъ.
Тутъ стояли-же воры и разбойнички,
По русскому придорожнички.
Натагаетъ онъ свой тугой лукъ,
Пускалъ стрѣлу во сырой дубокъ,
Раципалъ дубокъ въ ножевыя череныщи,
И тутъ воры-разбойники испугалися,
По дикой степи растрѣлялися,
По камышнички размирялися.

(Отъ крестьянина Кузьмы Ослова, уроженца Нижегород. губ.).

3.

(Той же губ. и того же уѣзда, села Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
 Намъ не жалко зелена вина,
 Только жалко смиренную бесѣдушку.
 Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
 Говорятъ они рѣчи хорошія
 Про стараго казачка, Илью Муромца.
 Изъ-за горъ было, горъ высокіихъ,
 Изъ-за лѣсовъ, лѣсовъ темныхъ,
 Не бѣла зоря занималася,
 Не красно солнце выкаталося:
 Выѣзжалъ тутъ добрый молодець,
 Добрый молодець, Илья Муромецъ
 На своемъ конѣ богатырскимъ;
 Побѣлѣла его головушка,
 Посѣдѣла его бородушка.
 Ѣдетъ онъ путемъ, прямой дорогою,
 Подъѣзжаетъ добрый молодець
 Ко тремъ ко дороженькамъ,
 Ко дороженькамъ ко широкимъ.
 На дороженькѣ бѣлъ горючъ лежалъ камень,
 На камнѣ печать положена:
 «По которую мнѣ доброму молодцу
 «Будеть ѣхать по дороженьку:
 «Есть по средней дорожкѣ ѣхать—быть убитому;
 «По лѣвой сторонушкѣ ѣхать—быть богатому;
 «По правой мнѣ ѣхать сторонушкѣ—быть женатому:
 «Мнѣ жениться не ко младости,
 «А богатство мнѣ не къ разуму;
 «Поѣду, добрый молодець, по средней по дороженькѣ.»
 На той на дороженькѣ стоялъ сыръ матерій дубъ,
 Подъ дубомъ стоялъ станъ разбойничковъ,
 Ихъ не много, ихъ не мало—сорокъ одинъ человекъ.
 И завидѣли они издалека русскаго богатыря,
 Выходили къ нему по пяти и по десяти человекъ.
 Ихъ сердца на его коня богатырскаго разгорѣлися,
 Межъ себя они разговаривали:
 — Что мы жили, такого коня не видывали:

— Ужь ты стой, постой, добрый молодець!
 — Ужь ты стой, постой, Русскій богатырь! —
 «Охъ вы братцы, товарищи! Съ меня вамъ взять нечего!
 «Я своего коня на базаръ не важивалъ,
 «Никто цѣной его не окладывалъ;
 «На мнѣ шубенка во пять сотъ рублей,
 «На мнѣ шапочка во три сотенки;
 «Рукавички на мнѣ въ одну сотенку.»
 Вынимаетъ добрый молодець,
 Вынимаетъ Илья Муромецъ
 Изъ колчана калену стрѣлу,
 Натягаетъ тугой лучокъ,
 Намѣчаетъ сыръ матерый дубъ:
 Онъ рацишь его во мелки кусочки.
 Разбойнички все перенугнулись,
 Они все врозь отъ него разбѣжались,
 На третьи суточки къ нему собралися:
 — Ужь ты, добрый молодець, Русскій богатырь!
 — Ты поди къ намъ во товарищи;
 — Сколько хочешь бери золотой казны,
 — Платя цвѣтнаго, лошадей и табуны!
 Илья Муромецъ на нихъ разсмѣхнулся:
 «Охъ вы, братцы мои, непріатели!
 «Не охотникъ я у васъ овецъ пасти;
 «Покажите мнѣ дороженьку
 «По Черниговъ градъ проѣхати,
 «Черезъ горы Сарачинскія,
 «Черезъ лѣса, черезъ Брымскіе,
 «Гдѣ Соловей стоитъ, самъ разбойничекъ!»
 Поѣхалъ Илья Муромецъ,
 Поѣхалъ путемъ-дорогою;
 Соловей разбойничекъ его завидѣлъ же:
 Полетѣлъ и встрѣчаетъ его.
 Напустилъ на него громкій свистъ;
 Илья Муромецъ на него разгорчился,
 Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
 И намѣчаетъ онъ Соловья разбойничка,
 И сшибъ его какъ овсянаго снопа;
 Заложилъ его Илья Муромецъ
 Во торока свои крѣпкіе,

И поѣхалъ путемъ прямой дорогою,
Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.

У Кіевского князя было собраніе:
Всѣ князья съѣзжались, бояре къ ему.
Илья Муромецъ въ палаты восходилъ,
Поклонился князю Кіевскому.

«Ужь ты что и какой ты богатырь?»

— Богатырь я самъ Илья Муромецъ.—

Кіевскій Князь распрошати его сталъ:

«Ужь ты что есть за такой богатырь?»

«Гдѣ проѣхалъ, проѣзживалъ?»

— Черезъ горы ѣхалъ Сарачинскія,

— Черезъ лѣса ѣхалъ Брымскіе.—

— Тутъ никто конный не проѣзживалъ,

— Никто пѣшій не прохаживалъ?

— А я проѣхалъ, Илья Муромецъ,

— Соловья разбойничка во плѣнь его взялъ?—

Кіевскій Князь сталъ говорить ему:

«Ужь ты Илья добрый молодецъ,

«Возьми его къ себѣ во цалатушки,

«Прикажи ему, Илья Муромецъ, посвистати!»

Илья Муромецъ, добрый молодецъ,

Посадилъ его на лѣвую ручешку,

Приказалъ ему посвистати:

«Соловей разбойничекъ посвищи не во весь свистъ,

«Посвищи-ка Соловей разбойничекъ, въ полсвиста».

Соловей разбойникъ разгордился,

Засвисталъ оцъ во весь свистъ—

Во всѣ бесѣдушки люди перепугались.

(Отъ ратника Н. Карповенкова).

4.

(Той же губ. и того же уѣзда, выселокъ Александровка).

Какъ по морю, морю Хвалынскому,
Плавалъ тутъ корабъ ровно тринадцать лѣтъ,
На якоръ корабъ не останавливался,
И ко бережку корабъ не приваливался.

На батюшкѣ, на Соколѣ, на черномъ кораблѣ,
 Было два торго и четыре кабака,
 Было два богатыря сильные, могучіе:
 Первый богатырь—Симеонъ молодой,
 А другой богатырь—Илья Муромецъ.
 На Ильюшенькѣ шубеночка худехонька:
 Лѣва пола въ пять сотъ рублей,
 Правая пола во всю тысячу,
 Всей то шубеночкѣ, цѣны ей нѣтъ.
 Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
 Тросточкой по пуговкамъ поваживается,
 Его пуговки разбѣлѣлися,
 Его петельки разгорѣлися,
 На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
 По лютому звѣрю, по заморскому льву.
 Думали-гадали станишнички,
 По русскому назвать-воры, разбойнички,
 Думали-гадали, какъ корабль, разбить
 Корабль разбить, Илью во полонъ взять.
 Его лютые звѣрѣя разревѣлися,
 Всѣ станишнички перепугалися,
 Во легкія во лодочки пометалися,
 По синему по морю разстрѣлялися,
 Въ третій день сходилися,
 И звали его во товарищи:
 — Ты будешь у'насъ атаманушкой. —
 <У отца я былъ, у матери,
 <Не охочь я былъ стадо пасти:
 <По лѣсамъ то я не ставалъ,
 <По дорогамъ-то не ѣзживалъ.
 <Гдѣ мнѣ проѣхать черезъ лѣса Брымскіе,
 <Черезъ лѣса Брымскіе, черезъ горы Сарачинскія>.
 — Тутъ дорога запаала тридцать годовъ:
 — Соловей разбойникъ тутъ гнѣздо свилъ,
 — Гнѣздо свилъ на семи дубахъ. —
 Не доѣхалъ онъ за тридцать поприщевъ,
 Конь его спотыкается сталъ:
 <Ну-ка ты конь, вороній кормъ!
 Не видавши страсти, ужасты, спотыкается сталъ!>
 Пріѣзжаетъ ко царю ко Владиміру,

Сидятъ богатыри во бесѣды;
 Входитъ въ палату, молится чужимъ образамъ,
 Поклоняется на всѣ стороны,
 Величаетъ царя Владиміра.

(Отъ 80-ти-лѣтняго старика слѣпца.)

5.

Какъ во городѣ во Муромѣ,
 Въ селѣ было Карачаровѣ:
 Не сильная погода поднималася,
 Не зелена дубрава разшумѣлася,
 Не бумажные листочки разстилаются,
 Не сыренькой дубочекъ къ землѣ клонится,—
 Тутъ кланяется Ильюша отцу съ матерью,
 Онъ ни просить ни золота, ни серебра:
 «Не надо мнѣ одежды драгоцѣнныя
 Не прошу у васъ закону, молодой жены, —
 Вы пожадуйте мнѣ велико благословеньице
 Мнѣ во Кіевъ ко заутрени,
 Мнѣ во Царь-градъ ко обѣденкѣ,
 Мнѣ послушать четья-пѣнья церковнаго,
 Да еще послушать звону колокольнаго.»
 — Охъ ты гой еси, чадо милое!
 — Молодешенекъ Ильюша похваляется,
 — Какъ во дальнюю дорогу собирается,
 — Эта дороженька не малая,
 — Скоры гонцы гоняють черезъ двѣнадцать дней,
 — Воловымъ шагомъ-два мѣсяца. —
 Поспѣваетъ Ильюша на своемъ добромъ конѣ,
 Не держали Ильюшу ни горы, ни долы,
 Не быстрыя рѣки, ни темные лѣса;
 Погоняетъ своего коня по крутымъ бедрамъ,
 Пробиваетъ у добра коня тѣло до бѣлыхъ костей,
 Поспѣшаетъ Ильюша къ обѣденкѣ.

(Зап. И. Ив. Акутинымъ въ Самарѣ.)

Про Добрыню Никитича.

(Енисейск. губ. Минусинск. округа, с. Верхне-Кужебарское).

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
 Не кудрявая ко сырой да приклоняется;
 Ужь какъ кланяется сынъ да своей матушкѣ,
 Добрый молодецъ Никитушка Добрыничъ-сынъ
 Что честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ:
 «Ужь ты гой еси, родимая моя матушка,
 «Что честна вдова Афимья Александровна!
 «Ужь ты дай мнѣ ка свое благословеньице,
 «Мнѣ-ка вхати да во чисто поле,
 «Что искать себѣ названнаго брателки,
 «Что стараго казака да Илью Муромца!»
 — Какъ возговорить ему да родна матушка:
 «Ужь ты гой еси, родимо мое дитятко!
 «На кого ты оставляешь свою матушку,
 «На кого ты покидаешь молоду жену?»
 — Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
 «Оставляю я вась, матушка, на Бога.»
 Что даетъ ему мать свое благословенье:
 «Благословить тя Богъ, мое дитя родимое!
 «Что на добрыя дѣла и все подвиги!
 «Ужь ты ѣзди-ко дитя во чистомъ полѣ,—
 «Чистехонько, хорошехонько!»
 Тутъ началъ сряжаться добрый молодецъ;
 Онъ въ сѣдельце черкасское коня сѣдлалъ,
 Во уздицу во тесменную зауздывалъ,
 Что бралъ нитку шолку шамаханскаго,
 Да тугой лукъ и калены стрѣлы.
 Осѣдлавши онъ садился на добра коня,
 Самъ возговорилъ таковы рѣчи:
 «Ужь ты гой еси, родима матушка,
 «Что честна вдова Афимья Александровна!
 «Ты жди ко-ся меня ровно три года;
 «Ты не дождешься меня ровно въ три года,
 «Ты бери мои золоты ключи,
 «Отпирай-ка тогда золоты ларцы,
 «Вынимай мою золоту казну,

«Подавай ее по попамъ, по монашенкамъ,
 «По честнымъ по родителямъ,
 «Поминайте меня добра молодца!
 — А ты гой еси, моя молода жена!
 «Хороша Настасья, дочь Никулишна!
 «Ужь ты жди меня ровно девять лѣтъ;
 «Если въ девять лѣтъ меня не дождешься,
 «Хоть замужъ пойдѣ, хоть вдовой сидѣ!»
 Ужь какъ видѣли добра молодца, какъ коня сѣдлааь,
 А не видѣли, какъ съ двора сѣвзжааь.
 Что не пылъ столбомъ поднималася,—
 Одна откопотъ оставалася,
 Какъ уѣхалъ Никитушко во чисто поле,
 Добрыничъ свѣтъ во раздольице:
 Онъ годъ ѣздилъ по чистому полю,
 И не можетъ наѣхать Ильи Муромца.
 Съ той печали со кручинушки
 Натягааетъ онъ свой тугой лукъ:
 И спускаетъ свою калену стрѣлу.
 Улетала та его стрѣлочка
 Во село ко Маринѣ красной дѣвушкѣ,
 Къ красной дѣвушкѣ да во высокъ теремъ,
 Во окошечко во косяцатовъ,
 Во стеклышко во заморское.
 Увидалъ тутъ добрый молодець
 Во чистомъ полѣ бабушку задворенку.
 «Ужь ты гой еси, бабушка задворенка!
 «Ты сходи-ка къ Маринѣ красной дѣвицѣ
 «За моей ли то калешой стрѣлой!»
 Тутъ пошла бабушка задворушка скорѣшенько.
 Пришедши ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
 Поклонилась ей низешенько,
 Говорила ей честнешенько:
 «Ужь ты гой еси, Маринка, красна дѣвица!
 «Что послааь меня къ тебѣ добрый молодець,
 «Добрый молодець Добрыня Никитичъ сынъ,
 «Велѣаь онъ тебѣ поклонигися,
 «И просить у тебя его калену стрѣлу».
 — Какъ отвѣтила Маринка, красна дѣвица:
 Той ли бабушкѣ задворенкѣ:

«Кто эту стрѣлочку застрѣливалъ,
 «Пусть тотъ за стрѣлочкой самъ придетъ.»
 Съ тѣмъ отвѣтомъ бабушка задворенка
 Воротилась во чисто поле
 Ко удалу добру молодцу,
 Ко Никитѣ Добрыничу.
 А Маринка, красна дѣвица,
 Полетѣла вслѣдъ сорокою,
 Чтобы выслушать его рѣчи.
 Говорить ему тутъ бабушка задворенка:
 «Ужь ты гой еси, удалой добрый молодецъ!
 «Отвѣтила мнѣ Марина красна дѣвица,
 «Что кто ту стрѣлочку застрѣливалъ,
 «Тотъ пусть за стрѣлочкой самъ придетъ.»
 Какъ отвѣтилъ добрый молодецъ
 Той бабушкѣ задворенкѣ:
 «Я не иду къ ней, сукъ гончія,
 «Ко совѣ заморской, ко змѣѣ семиглавыя!»
 Что услышала таковы слова
 Та Марина, красна дѣвица,
 Отъ тѣхъ словъ она осердилась.
 Обернула за то Никитушку,
 Обернула туромъ золоты рога.

Черезъ дальнее перечайльце, (?)
 Шли калики перехожіи,
 Перехожіи, переброжіи
 До села его родной тетушки,
 Старой дѣвицы, Татьяны Александровны.
 Пришедши къ ней просятъ милостыню.
 Какъ спроситъ ихъ Татьянушка:
 «Вы отколь идете калики перехожіи,
 «Изъ какой страны изъ дальнія?»—
 Отвѣчали ей калики перехожіи:
 «Мы идемъ теиерь изъ чиста поля.»
 — «Ужь вы что тамъ въ полѣ видѣли?»
 — Ужь мы видѣли въ томъ чистомъ полѣ
 «Три тура да три великіи,
 «Что единъ-отъ туръ да золоты рога».

—Говорила тутъ стара дѣвица
 Тѣмъ каликамъ переходѣимъ:
 «Вы послушайте меня, калики переходѣи,
 «Воротитесь вы въ обратный путь
 «Ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
 «Вы снесите ей мою грамотку
 «И скажите ей со угрозою,
 «Чтобы того она тура—золоты рога
 «Отвернула бы въ прежній видъ;
 «Буде она меня не послушаетъ,
 «То я сама подымуся къ ней,
 «Оберну ее сорокой бѣлохвостю
 «И пущу летать весь вѣкъ безъ отдыху.»
 Тутъ калики послушались,
 Низешенько ей поклонилися,
 Поклонившись шли въ обратный путь
 Къ той Маринѣ, красной дѣвицѣ,
 Принесли ей строгу грамотку,
 Говорили таковы слова:
 «Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
 «Получи отъ насъ къ тебѣ грамотку,
 «Отъ родимой твоей тетушки,
 «Отъ Татьяны Александровны.»
 —Тутъ Марина испугалася,
 За ту грамоту робко принималася,
 И читала ту грамоту скорешенько.
 Прочитавши пошла во чисто поле
 И кричала тура-золоты рога.
 Прибѣжалъ къ ней туръ, какъ рысь добра.
 Тутъ стала она тура уговаривать:
 «Ужь ты гой еси, могучій, сильный богатырь,
 «Что удалый добрый молодецъ Никитушка!
 «Ты возми меня за себя замужъ.»
 —Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
 «Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
 «Еще есть у меня молода жена,
 «Хороша Настасья дочь Никулишна.»
 Тутъ Марина повинялася,
 Говорила ему таковы слова:
 «Ужь я думала, что ты холость есть.»